

Научная статья

УДК 398.2

DOI 10.17223/18137083/90/2

Преимственность эпической традиции хори-бурят в улигерах монгольского бурята Д. Манзарона и специфика его сказительского мастерства

Бадма-Ханда Бадмадоржиевна Цыбикова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

bch58@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3672-1566>

Аннотация

Улигерные тексты, записанные в начале XX столетия от Дугара Манзарона, представителя этнической группы хори-бурят, переселившегося в Монголию, анализируются в рамках хоринской эпической традиции. Выявлены устойчивые и вариативные звенья в реализации сюжета; установлена общность сюжетной структуры и мотивных единиц улигерных произведений сказителя и эпоса хори-бурят без следов существенной трансформации. Тексты, записанные от монгольского бурята, отличаются наличием в большей степени, чем в других хоринских улигерах, мифологических компонентов, наполненных архаической семантикой; чрезмерным насыщением их мотивами с буддийской тематикой. Эти и некоторые другие особенности рассматриваемого материала являются показателем индивидуального мастерства сказителя.

Ключевые слова

улигеры, эпическая традиция, буряты Монголии, сюжеты, мотивы, общее, отличительное

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6)

Для цитирования

Цыбикова Б.-Х. Б. Преимственность эпической традиции хори-бурят в улигерах монгольского бурята Д. Манзарона и специфика его сказительского мастерства // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 27–40. DOI 10.17223/18137083/90/2

© Цыбикова Б.-Х. Б., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 27–40
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 27–40

Continuity of the Khor-Buryat epic tradition as reflected in Mongolian Buryat uligers narrated by Dugar Manzaron, the Mongolian Buryat, with a focus on his narrative technique specifics

Badma-Khanda B. Tsybikova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

bch58@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3672-1566>

Abstract

The research investigates two uligers that were originally introduced into scientific circulation by Ts.-A. N. Dugarnimaev. These uligers were recorded from Dugar Manzaron, a talented storyteller representing one of the Buryat ethnic groups living in Mongolia. A brief historical background is provided on the Buryats' migration to Mongolia. The purpose of the study is to identify common and local connections between the uliger texts analyzed, within the Khor-Buryat epic tradition. The plot, motive structure, and features of the motive fund realization are characterized. Both texts share a central narrative core, which involves the hero's departure for marriage, battles, and the completion of assigned tasks. Common elements include the return of a kidnapped bride, wife, or parents by a hostile khan or mythical creature. Differences are observed in the elaboration of specific plot motives, such as the location of Mangadhai's soul, the main character's metamorphosis, and reincarnation as a relative of Mangadhai. A notable feature of the texts recorded in Mongolia is the incorporation of Buddhist characters, attributes, and rituals into their plots. The analysis of the relationship between plot and motives within the epic narrative is crucial for revealing the artistic space and structure of uliger texts. The plot-compositional organization of the uligers by D. Manzaron is disclosed for the first time, and the consistent nature of the epic tradition across time is identified. These findings provide a valuable comparative framework for analyzing the traditions of other ethnic groups.

Keywords

uligers, epic tradition, Buryats of Mongolia, plots, motives, general, distinctive

Acknowledgments

The research was carried out within the state assignment (project "Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region, no. 121031000259-6)

For citation

Tsybikova B.-Kh. B. Continuity of the Khor-Buryat epic tradition as reflected in Mongolian Buryat uligers narrated by Dugar Manzaron, the Mongolian Buryat, with a focus on his narrative technique specifics. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 27–40. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/2

Введение

Целью статьи стало выявление степени устойчивости и вариативности эпической традиции во времени на основе сравнительного анализа двух улигерных текстов, записанных в начале XX столетия от монгольского хори-бурята, и хоринских улигеров. Для этого поставлена задача охарактеризовать структурно-композиционную организацию произведений Д. Манзарона и особенности реализации сюжетно-мотивных единиц.

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1

Наименее изученной в бурятском эпосоведении остается хоринская эпическая традиция. В связи с этим предпринятый в статье анализ сказительской традиции этнической группы хори-бурят обуславливает актуальность исследования. Неоценим вклад в изучение эпоса бурят выдающихся ученых Ц. Ж. Жамцарано, Г. Д. Санжеева, А. И. Уланова.

Мировую известность Ц. Ж. Жамцарано получил своими бесценными публикациями бурятских эпических сказаний. На основе анализа характерных особенностей эхирит-булагатских и хори-бурятских улигеров ученый сделал вывод о преобладании архаических мотивов в эхирит-булагатской эпической традиции: «...у эхиритов-булагатов... была эпоха, когда земля была наполнена всевозможными “очеловеченными” чудовищами: мангадхаями, многоголовыми змеями, птицами, громадными псами» [Образцы народной словесности..., 1918, с. 32].

Крупный исследователь монгольских языков, этнограф, фольклорист Г. Д. Санжеев выделяет эхирит-булагатскую и унгинскую группы в эпосе бурят, но отдельно не маркирует хори-бурятскую традицию: «...все остальные эпосы суть нечто среднее между этим (унгинским) и булагатским эпосами» (Аламжи Мэргэн, 1936, с. 24).

А. И. Уланов, исследовав генезис и развитие бурятского героического эпоса, на основе принципа стадийного подхода выделил в нем «три слоя: эхирит-булагатский, унгинский и хоринский, отражающий звероловно-охотничью жизнь и жизнь скотоводческую родового общества» [Уланов, 1963, с. 28].

М. Н. Намжиловой [1997] впервые рассмотрены сюжетная структура, основные мотивы, выразительные средства эпоса хори-бурят.

Материалом для сравнительного анализа послужили опубликованные хори-бурятские улигеры (см. таблицу).

В исследовании анализируются два улигера, записанные в 1927 г. «простолюдином Санжайжин Данзано» «со слов Дугара Манзарона, бедняка Бурятского хошуна Хан Хэнтэй аймака реки Керулена» (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 4): один из них называется «*Урдын сагай найман түмэн наһатай наян тохой бэетэнэй үеын Бухайр хүбүүн Богда Жангарай түүхэ*» «История сына Бухайра Богдо¹ Жангара, [случившаяся] в давнее время, когда [люди были] возрастом восемь тысяч лет, [ростом] с восемь *тохой*²». Название второго улигера звучит так: «*Урдын урда, эртын энхэ сагай наян тохой бэетэнэй, найман түмэн наһатанай үеын Ыбэр Шодор Шоолин нютагтай Ыбэр Мэргэнэй хүбүүн Ёоро Ёгшолой түүхэ*» «История Ёоро Ёгшоло, сына Ыбэр Мэргэна из местности Ыбэр Шодор Шолин, [случившаяся] в давние, далекие, ранние безмятежные времена, когда [люди были] возрастом восемь тысяч лет, [ростом] с восемь *тохой*».

Они были обнаружены известным филологом Ц.-А. Н. Дугар-Нимаевым в Рукописном отделе Государственной библиотеки Академии наук Монголии. Тексты записаны от руки на старомонгольском языке в шести ученических тетрадях. Переводы улигеров на кириллическое письмо осуществлены Ц.-А. Н. Дугар-Нимаевым при содействии монголоведа Г. Н. Очировой и опубликованы в 1992 г. (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992).

¹ Богдо – 1) святой, святейший; 2) премудрый; верховный, августейший, владыка; 3) повелитель, властелин, властитель.

² Тохой – 1) часть руки от локтя до кисти; 2) мера длины, равная 0,32 м.

Хори-бурятские улигеры, использованные для сравнительного анализа
Khor-Buryat uligers used for comparative analysis

Название, источник	Сказитель	Год и место записи	Собиратель	Год публикации
<i>Эрдэмтэ соохор морин</i> (Премудрый пестрый конь) (Байгал, 1962, с. 114–154)	Не известен	1878 г. Нет сведений о месте записи	Вандан Юмсунов	1962
<i>Хэедээр Мэргэн</i> (Улигеры хори-бурят, 1988, с. 22–82)	Базар Галданов, 1847 г. р.	1908 г. Хара-Шибирь Забайкальского края	Цыбен Жамцарано	1988
<i>Лодой Мэргэн, Шоролтор Мэргэн, Убгун Жибжэн</i> (Руднев, 1913, с. 1–29; 30–39; 40–41)	Галан Ниндаков, уроженец Кижин- ги (Бурятия). В момент записи ему было 14 лет	1911 г. Санкт-Петербург	А. Д. Руднев	1913
<i>Харалтуур хаан</i> (Намсараев, 1988, с. 101–165)	Цэрэн Зодбоев, дата рождения не указана	1924 г. Кижингинский район Бурятии	Х. Н. Намсараев	1988
<i>Убгэн Жэбжээнэй</i> (Убгэн Жэбжээнэй) (Дон, 1958, с. 270–333)	–	1936 г. Место записи не указано	Ц. Дон	1958
<i>Шэбишээдэй Мэргэн</i> (Бурят арадай, 1960, с. 59–87)	Н. Базаров, дата рождения не указана	1945 г. Кижингинский район Бурятии	С. П. Балдаев	1960
<i>Хулдай Мэргэн</i> (Хулдай Мэргэн, 1958, 176 с.)	Исходный текст сказителя Будаа- най был утерян, восстановлен в исп. Жаны Дашицыренова	Дата записи не указа- на. Мухоршибирский район Бурятии	Д. Чернинов И Г. Г. Чимитов	1958
<i>Боро соохор моритой Боронтуу Мэргэн</i> (Боронту Мэр- гэн на серо-пестром коне), <i>Зугы Мэргэн хаанай Мижэд хүбүүн</i> (Мижэд – сын Зугы Мэргэн-хана) (Агын улыгэрнууд, 1961, с. 9–45; 46–100)	Галсан Тыхеев, 1916 г. р.	1958 г. Ононский район За- байкальского края	П. Б. Балданжапов	1961

В результате поисковых работ в Центральном историческом архиве Монголии было установлено, что скотовод Манзарон родился в 1889 или 1890 г. В момент исполнения улигера ему было, по предположению Н. Дугарнимаева, 37 лет (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 4).

Процесс миграции отдельных групп бурят и начало формирования этнического анклава в северной части Монголии обусловлены несколькими факторами. Для монгольских племен, в том числе бурят, основным видом хозяйственной деятельности которых было скотоводство, перемещение в пределах современных территорий Бурятии, Забайкалья, Монголии и Китая для обеспечения благополучия скота было естественным и традиционным: «Первой и самой главной причиной эмиграции и миграции бурят по Монголии следует считать наличие свободных пастбищных угодий и простор для ведения скотоводами традиционного кочевого образа жизни» [Балданов, 2007, с. 4]. Это является одной из причин пребывания бурятского населения на берегах р. Керулена, где в начале XX в. были записаны два эпических произведения.

Активное переселение бурят в Монголию началось после «земельно-административных реформ, предпринятых царским правительством на рубеже XIX–XX вв. Следующая волна оттока бурят на юг вызвана бурными событиями гражданской войны. Начавшаяся в СССР кампания по коллективизации сельского хозяйства, в ходе которой, как известно, часто применялись принудительные меры», также способствовала смене местожительства бурят [Нимаев, 2013, с. 179–180]. Кроме того, одним из обстоятельств, побудивших бурят покинуть родные места, «является конфликт на национальной почве. Бурятские казаки с XVIII в. несли государственную службу, после 1918 г. они потеряли привилегированное положение и вместе с тем свои земли и даже подверглись смертельной опасности» [Нацагдорж, 2013, с. 71].

Таким образом, бурятское население прибывало и оседало в Монголии постепенно, в результате нескольких волн миграции из Агинских степей Забайкальского края и с других территорий Бурятии. Наиболее значительная в численном отношении бурятская диаспора сосредоточена в Восточном, Хэнтэйском, Центральном, Селенгинском, Булганском, Хубсугульском аймаках Монголии. «По данным переписи 2010 г., бурятами себя назвали 48 450 человек, что составляет 1,7 % от численности населения Монголии, которое было равно 2 805 825 человек» [Бурятский язык в регионах..., 2020, с. 72].

1. Общие и вариативные элементы в реализации сюжетов и мотивов произведений Д. Манзарона и хоринских улигеров

Дугар Манзарон свои повествования называет *туухэ* ‘историями’, как раньше хори-бурятские исполнители обозначали этим термином эпос. В определении жанра крупных эпических произведений бурят употребляется также термин *үльгэр* ‘улигер’ – «эпическая богатырская поэма» [Уланов, 1957, с. 4]. Ц.-А. Н. Дугар-Нимаев отмечает, что у хори-бурят существует несколько вариантов обозначений этого жанра: «В разговорной речи бурят в значении слова *үльгэр* ‘улигер’ употребляются три одинаковых по значению термина *үльгэр* ‘улигер’, *үльгэр туухэ* ‘улигерная история’, *туухэ* ‘история’. В литературном языке нынче общепринята терминология “улигер”» (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 4). Слово *туухэ* ‘история’ используют для обозначения крупных текстов эпического характера и буряты, проживающие в Китае, основная масса которых относится к хори-

бурятам, в то время как сказки они называют *ябаган ульгэр* – ‘пеший улигер’: «Простой / пеший улигер (имеется в виду сказка. – Б.-Х. Ц.) может вместиться в 5–6 страниц; когда же [объем] составляет 20–30 страниц, тогда говорят *түүхэ* (история. – Б.-Х. Ц.)» (Полевые материалы автора (далее – ПМА), информатор С. Н. Эрдэни, 1951 г. рождения, г. Хайлар КНР, 2018 г.). В связи с этим становится понятно, почему Ц.-А. Дугар-Нимаев пишет: «Вместо современного слова “улигер” Дугар Манзарон употребляет слово “история”» (Монголдохи буряадуудай ульгэрнүүд, 1992, с. 4).

Сюжетное развитие улигера об истории Богдо Жангара, сына Бухайра, начинается с исполнения сыном предсмертной просьбы хана-отца – заняв после него престол, он должен выдать замуж трех старших сестер. Для осуществления другого важного наказа отца – жениться самому – герой отправляется за суженой. Событийная канва его соотносится в целом с главной эпической коллизией, связанной с выездом героя с целью жениться, разрабатываемой и в других родственных улигерах забайкальских бурят, что свидетельствует о стереотипности и повторяемости традиции. Итак, сюжетно-композиционная конструкция улигера Д. Манзарона выстраивается в традиционном эпическом русле с отправки героя в дорогу за суженой. Стабильными элементами сюжета, как и в других хоринских текстах, служат ключевые моменты отбытия главного героя за невестой, устранение противников-вредителей в пути, успешное преодоление им препятствий и победа над соперниками в состязаниях за невесту.

С конфликта между сыновьями двух братьев начинается второй улигер об истории Ёоро Ёгшола, что имеет место и в хоринском эпосе «Боронту Мэргэн на серо-пятнистом коне» (Агын ульгэрнүүд, 1961, с. 9–45). И дальнейшее развитие сюжета схоже с композицией других хори-бурятских повествований: после ряда приключений и преодоления препятствий герой возвращается домой с двумя женами. По прибытии он застаёт разоренное хозяйство и, оставив жен дома, отправляется за родителями и своим дядей, вступает в противостояние с захватчиком.

Наряду с использованием общего эпического мотива разоренного врагом дома, захватившего его добро и родителей, в двух анализируемых улигерах присутствуют общие для бурятских улигеров в целом стандартные мотивы волшебных предметов, с помощью которых устраняются препятствия и противники: *мангадхай*³, его жена-*шолмос*⁴, чугунные сыновья, выбравшиеся из распоротого живота женщины-*шолмос*. В общепурятском эпосе подобные мотивы характеризуются наибольшей распространенностью и указывают на общий генезис фольклорной традиции.

Традиционен мотив богатырского коня, участвующего во всех эпических перипетиях героя (он способен предвидеть опасность, потому дает советы по ее преодолению). Вместе с тем отметим, что у Д. Манзарона этот мотив имеет локальный характер, не присущий другим хоринским улигерам: выбранный для поездки в дальнюю дорогу конь отца, физически истощившись, не может добраться до назначенного места, и герой вынужден вернуться за маленьким конем, который до этого подавал ему выразительные знаки. Отцовский конь, служивший старшему поколению, исчерпал свою физическую выносливость и не может больше быть полезным; потому батору необходим другой боевой партнер. Иначе

³ Мангадхай – чудовище.

⁴ Шолмос – чёрт, дьявол.

говоря, устраняется несоответствие между богатырскими ресурсами героя и отцовского коня, утратившего активность и неутомимость.

Мотив роли коня, способного на различные поступки для оказания помощи своему хозяину, усиливается введением дополнительного эпизода, также не характерного для других эпических текстов хори-бурят, когда он, закинув в пасть сивому волку свой хвост, помог герою справиться с ним. Более того, конский помет, брошенный парнем в преследуемого соперника, калечит ему ноги. В этом видится наделение сакральным значением не только коня и частей его тела, но и отходов его жизнедеятельности. Подобные моменты можно отнести к элементам мифологического отголоска особого почитания коня, вплоть до возведения в культ.

Характерны совпадения в деталях улигеров сказителя и хоринских повествований: роль «девы-спасительницы»; эпизоды брачных состязаний и опасных поручений отца суженой; превращение героя в «паршивого мальчишку», коня – в плохого лончака.

2. Локальные особенности улигеров сказителя

Расхождения в улигерах Д. Манзарона и произведениях хоринского эпоса наблюдаются при разработке отдельных улигерных мотивов, наполненных мифологической семантикой. В тексте *улигершина*⁵ душа мангадхая находится в одном случае в трех золотых яйцах, зарытых под сандаловым деревом; в другом – в золотой вше. В хоринских улигерах мангадхай прячет душу во рту дикого кабана в виде пчелы; в двух рукавах старухи в виде двух радуг (Дон, 1958, с. 270–333); в четырех яйцах коршуна (Агын ульгэрнүүд, 1961, с. 9–45) и т. д. Кроме того, перевоплощения героя происходят в разных ракурсах. Если главный герой хоринских улигеров традиционно превращает коня в худого лончака, себя – в нищего с гноем на глазах с пуговицу, с соплями с корыто (Байгал, 1962, с. 114–154); редко – в золотую иглу (Улигеры хори-бурят, 1988, с. 22–82), то у Манзарона он уменьшается до такого размера, что может влезть в конский помет; может видоизмениться в сына матери мангаса; также он предстает в женском обличье, переодевшись в одежду убитой матери мангадхая. Подобная метаморфоза главного героя не встречается ни в одном из хоринских улигеров.

Особенность улигеров Д. Манзарона заключается в чрезмерной насыщенности буддийскими культовыми элементами и религиозными мотивами. Так, главный герой Богдо Жангар о своей будущей жене узнает из буддийских писаний: на 77-й странице священной книги «Юмжан» было указано, что его суженая находится в самом западном краю, на северо-западной стороне на расстоянии восьмидесяти лет. Надо полагать, речь идет о почитаемой буддистами книге «Юм», входящей в состав 108-томного собрания буддийских текстов «Ганжур». Отметим, что согласно западно-бурятской улигерной традиции о суженой героя, предназначенной свыше, можно было прочесть в книге судьбы.

Уточнение родственной связи главного героя с тибетским Дамба-ханом, являющимся потомком Зула-хана и Доржо-хана, идентично с характерным элементом индивидуализации персонажей эпоса «Джангар»:

⁵ Улигершин – сказитель.

*Шэгэмүүнийн шажантай,
Бурхан Буддын шажантай,
Түбэд Дамба хаанай
Түрэл болохо,
Бодон Зула хаанай
Зээ болохо,
Бурхан Доржо хаанай
Аша болохо...
Амин дива бурхан
нахюуһатай.*

[Он] поклоняется Шакьямуни,
[Он] поклоняется бурхану⁶ Будде,
Тибетского хана Дамбы
[Он] родственником приходится,
Хана Бодон Зулы
[Он] приходится внуком по матери,
Бурхана Доржо-хана
[Он] приходится внуком по отцу...
Хранителем у него божество Амин
дива.

(Монголдохи буряадуудай үлгэрнүүд, 1992, с. 8)

(Перевод мой. – Б.-Х. Ц.)

Упомянутые родственные узы главного героя бурятского улигера находят параллель с «генеалогией Джангара», являющейся «самой значимой для эпоса, и поэтому в ней перечисляются его предки до четвертого колена»: согласно малодербетской версии, Джангар – «Бумба Залу-хана праправнук, Бодонг Залу-хана правнук, Менген-Горчи-хана внук, Славного Узюнг-хана потомок» [Бурькин, 2002, с. 82]. В этих текстах встречаются, как можно заметить, созвучные тибетские имена: Дамба / Бумба, Зула / Залу, Доржо / Торчи.

Помимо этого, главный герой улигера Дугара Манзарона позиционирует себя глубоко религиозным человеком, придерживающимся основных норм, которые выдвигает учение Будды Шакьямуни. Указанные особенности могут быть отнесены к элементам, не характерным в целом для общепурятской эпической традиции, и являются художественным новаторством сказителя.

Импровизационные способности талантливого сказителя проявились, кроме того, во внедрении дополнительного вопроса о его вере / вероисповедании в существующее традиционное устоявшееся формульное выражение, с которым обращаются к эпическому герою для выяснения, кто он и с какой целью находится в пути:

*Хэнэй хүбүүн
Хэн гэгшээ бэлэй,
Нютаг орон хаана бэлэй,
Зорихон зориг хаана гээшээб?
Шажан мургэл ямар бэлэй?*

Чей ты сын,
Как зовут тебя,
Где твоя родина,
Каковы твои цель и устремления?
Какой ты веры-религии?

(Монголдохи буряадуудай үлгэрнүүд, 1992, с. 19)

(Перевод мой. – Б.-Х. Ц.)

В данном случае отчетливо прослеживается варьирование устойчивой улигерной константы, когда исполнитель подобным образом расширяет ее структуру и смысловое наполнение. Прочитаем уместные здесь слова А. Б. Лорда: «Искусство сказителя состоит не столько в заучивании путем многократного повторения затасканных формул, сколько в способности по образцу уже имеющихся формул составлять и перестраивать обороты, выражающие данное понятие» [Лорд, 1994, с. 15].

К числу подобного рода единичных элементов, не свойственных традиционным улигерным текстам забайкальских бурят, относим описание в рассматриваемом улигере похорон отца главного героя. Подчеркивается, что погребальные

⁶ Бурхан – бог, божество.

церемонии соответствуют ламаистским ритуальным канонам (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 9).

Нечто схожее, связанное с мотивом похорон отца, встречается в улигере «Эрдэмтэ соохор морин» (Премудрый пестрый конь) (Байгал, 1962, с. 114–154). Однако в этом тексте говорится о предсмертных распоряжениях хана о том, как устроить его похороны; приводятся слова его завещания по распределению имущества, коня.

Не исключается вероятность заимствования Дугаром Манзароном отдельных мотивов из ойратского эпоса «Джангар», возможно, услышанных им; на эту мысль наталкивает сходство реализации мотива родственной линии главного героя. Будучи весьма незаурядным сказителем, что подчеркивает Ц.-А.-Н. Дугар-Нимаев⁷, он мог плодотворно использовать в своем улигере понравившиеся фрагменты усвоенного материала.

В целом буддийское наследие составляет определенный пласт в устном творчестве хори-бурят в силу сложившихся социокультурных условий, являясь необходимым показателем развивающегося фольклорного процесса: «Буддийские ритуалы вписываются в фольклорное повествование как одна из сфер традиционной практики народов, описание которых входит в эпос вместе с разнообразными деталями» [Бурькин, 2020, с. 201].

Можно привести еще несколько мотивов, разработанных в религиозном контексте. Так, лама, применяя свои волшебные способности, из трех синих нитей может изготовить коня и седло, с помощью которых герою удастся выполнить ханское поручение. Мотив предсмертного волеизъявления отца главного героя реализуется в улигере Д. Манзарона с религиозной семантикой – регулярно молиться своим бурханам, что разнится с общепринятым пожеланием жить в благоденствии в других улигерах. Приведенные примеры не вписываются в выработанные в бурятском эпосе парадигмы, что представляется определенным отступлением от эпической традиции, подобная импровизация нередко наблюдается в исполнительской практике сказителей.

Кроме того, сочетание архаических элементов и буддийского напластования находим в следующих эпизодах: чтобы доставить Богдо Жангару еду, одежду и коня, его подданные обращаются одновременно и к Хурмаста тэнгрию, и к бурхану Будде, и к великой матери-земле. В свою очередь, главный герой, готовясь сразиться с грозным противником, Шолмос-ханом, также обращается к указанным заступникам, прося помощи и покровительства. В просьбе содействовать благополучному исходу его деяний наблюдается некая политеистичность персонажа: обращается он и к буддийским богам, и к отцу-Хурмасте, и к матери-земле, и к повелителям водных стихий. Надо сказать, что в общеперенятской же улигерной традиции преимущественно наблюдается апелляция к верховному божеству – Хурмаста тэнгрию. Контаминация мифологических и буддийских элементов, наложение их друг на друга относим к модифицированным особенностям рассмотренных текстов, связанных, возможно, с эволюцией жанра с принятием хори-бурятами буддизма. Влияние буддийского фактора на эпическую традицию хори-бурят в связи с широким распространением тибетского буддизма в Забайкалье в форме ламаизма в конце XVII – начале XVIII в. подчеркивается в трудах извест-

⁷ «Дугара Манзарона называют не только “сказитель”, “рассказчик историй”. Превознося его творческие способности и талант, называют “сказитель, творчески слагающий”, “сказывающий рапсод”» (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 4).

ных бурятских эпосоведов. Это нашло отражение в сюжетике хори-бурятского эпоса, в том числе и в улигерах Д. Манзарона.

Традиционный мотив обеспечения главного героя необходимыми доспехами и вооружением перед отправлением в дальний путь за невестой и предполагаемой по эпическим канонам битвой реализуется в эпизоде, когда Ёоро Ёгшолу их передают спустившиеся с небес представители рода. Необходимые для эпического богатыря атрибуты достаются ему не от высших небесных покровителей, как происходит зачастую в бурятских улигерах, а от почитаемых старших кровных родственников. Данный мотив, как можно предположить, связан с наметившимися зачатками формирования у бурят понятия «род», определенной иерархии в его структуре, т. е. «маркирования определенного уровня социальной структуры – рода» [Скрынникова, 2010, с. 12].

Мотив отправления героя за суженой, являющийся в большинстве хори-бурятских улигеров сюжетообразующим, в «Истории Ёоро Ёгшолу» разрабатывается в финальной стадии в связи с решением сына главного действующего лица, т. е. представителя второго поколения семьи, жениться на дочери Наран (Солнце)-хана. Подобная сюжетная композиция не является единичной, наблюдается она и в улигере «Боронту Мэргэн на серо-пестром коне» (Агын үльгэрнүүд, 1961, с. 9–45). Парень излечил дочь Наран-хана, вытащив из ее подмышек стрелу. Он, победив в испытаниях, женится на ней. Завершается улигер радостными эмоциями по поводу установления героем родственной связи с Хурмаста тэнгрием, что согласуется с существующим в бурятском мифотворчестве мотивом о белом лебеде как тотемной птице хори-бурят, относящейся к высшей сфере.

3. Речитативные улигерные вставки

Используемые Дугаром Манзароном ритмически организованные формульные вставки *түүрээлгэ*, свойственные эпосу именно хори-бурят, служат показателем устойчивости традиции. Значение этого термина можно перевести приблизительно так: *түүрээлгэ* от *түүрээхэ* – «говорить речитативом; рассказывать, клянясь и напевая» [Черемисов, 1973, с. 448]. По мнению этномузыковеда Д. С. Дугарова, «туурээлгэ в хоринский эпос пришли из древних шаманских мистерий, обыгрывавших в лицах и ярко красочных и эффектно разрисованных масках первобытные мифы» [Дугаров, 1995, с. 519]. Древнее их происхождение подчеркивает и М. Н. Намжилова: они «сформировались еще в древнейшую эпоху и служили первоначально для прославления сильных, смелых охотников» [Намжилова, 1997, с. 79]. Известно, что более ранние формы улигеров хори-бурят исполнялись в целом речитативом, напевно. Сведения о напевном их исполнении нами было зафиксировано у бурят Китая: *үльгэр түүрээжэ хэлдэг, баатарнуудай габьяата үйлэ хэрэг, дай байлдаан тухай яридаг хөөрөөнүүд* ‘Улигеры – это исполняющиеся речитативом рассказы о героических деяниях *баторов*⁸, войнах и боевых сражениях’ (ПМА, информатор Жалсанай Сэбээн-Долгор, 1939 г. рождения, сомон Шэнэхэн, Внутренняя Монголия КНР, 2014 г.).

Ранней традиции бытования хоринских улигеров была свойственна речитативная манера исполнения без сопровождающей игры на музыкальном инструменте. Постепенно она была утрачена, и впоследствии речитативом исполнялись лишь формульные слова *түүрээлгэ*, которые использовались в случаях обращения

⁸ Батор – богатырь.

улигерных персонажей к другому объекту для магического воздействия в императивной форме: просьба, мольба, требование, побуждение к действию, предупреждение, запрещение, угроза, объяснение и т. д. И в текстах Д. Манзарона каждый персонаж (главный герой, его конь, дедушка невесты героя, дочери птицы Хан гаруди, ворона) свой диалог начинает в форме *түүрээлгэ*. Аналогичная ситуация наблюдается в улигере «*Эрдэмтэ соохор морин*» (Премудрый пестрый конь), запись которого относится к 1878 г. (Байгал, 1962, с. 114–154). Произведения Д. Манзарона и В. Юмсунова демонстрируют аутентичный стиль исполнения хоринских улигеров в стихотворной форме с наличием ряда речитативных *түүрээлгэ*.

Выводы

Анализ улигерных текстов Дугара Манзарона показал, что на раннем этапе переселения бурят в Монголию хори-бурятское эпическое наследие сохранялось в своей жанровой целостности, и в сюжетно-мотивной системе проанализированных текстов сказителя не обнаружены следы существенной трансформации. Реализация сюжетного ядра, развивающегося вокруг матримониальной темы, как и в других хори-бурятских улигерах, представляется ключевой в сюжетной структуре двух повествований сказителя. Общим является наличие ключевых составляющих элементов развития сюжета: преодоление препятствий, устранение противников-вредителей, наказание обманщиков, женитьба героя.

Ряд сюжетообразующих мотивов улигеров Д. Манзарона – доставка конем от небожителей живой воды для хозяина; трансформация своего внешнего вида, уменьшение в размерах коня; отчитывающаяся перед хозяином стрела после достижения цели – присутствует и в структуре других хоринских улигеров.

Локальной особенностью проанализированных произведений является разработка ряда эпизодов буддийской направленности: наличие персонажей из числа священнослужителей-лам, наделенных магическими способностями; описание похоронного ритуала; отсылка к буддийскому тексту «Юм»; показ героя как приверженца буддийских культовых практик. В этом проявляется результат принятия хори-бурятами буддизма, с одной стороны; с другой – усматривается феномен импровизации сказителя.

Выявленные мифологические элементы (оригинальная разработка мотива местонахождения души мангадхая; превращение главного героя в конский помет, его перевоплощение в родственника мангадхая; магическое уподобление отходов жизнедеятельности коня поражающей силе стрелы, уничтожающей противника и т. д.) наполнены архаической семантикой. Эти и другие особенности, связанные с заметным наполнением сказителем своих текстов буддийскими мотивами, обусловлены спецификой индивидуального мастерства и самобытного таланта Дугара Манзарона. Заметим: степень импровизации сказителя ограничена в целом границами материнской этнокультурной традиции.

Установлено, что в произведениях Д. Манзарона сохраняются ключевые смысловые и структурные доминанты хоринских улигеров, что является показателем преемственности традиции.

Список литературы

Балданов С. Ж. Причины эмиграции бурят и их современное положение в Монголии и Китае // Диаспоры в современном мире: Материалы Международного круглого стола. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. С. 3–8.

Бурыкин А. А. Индивидуализация образов персонажей как средство композиции и сюжетообразования в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Studia Culturae*. 2002. № 3. С. 79–94.

Бурыкин А. А. Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // *Новые исследования Тувы*. 2020. № 3. С. 189–209.

Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития / Отв. ред. Д. Д. Бадараев. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2020. 256 с.

Дугаров Д. С. Напевы бурятских улигеров // Абай Гэсэр Могучий: Бурятский героический эпос. М.: Вост. лит., 1995. С. 505–519.

Лорд А. Б. Сказитель. М.: Вост. лит., 1994. 368 с.

Намжилова М. Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 172 с.

Нацагдорж Б. Причины миграции бурят в Монголию (на примере ацинских цонгол-бурят) // *Вестник Бурят. гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2013. № 1. С. 61–75.

Нимаев Д. Д. Основные факторы формирования бурятской диаспоры в Монголии и особенности ее социокультурной адаптации // *Вестник ВСГУТУ*. 2013. № 1 (40). С. 179–182.

Образцы народной словесности монгольских племён. Тексты. Пг.: Тип. Российской академии наук, 1918. Т. 1: Произведения народной словесности, вып. 3. 648 с.

Скрынникова Т. Д. Функции рода у бурят (конец XIX – XX в.) // *Новый исторический вестник*. 2010. № 4 (26). С. 11–18.

Уланов А. И. К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1957. 172 с.

Уланов А. И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 220 с.

Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 803 с.

Список источников

Агын үльгэрнүүд (Агинские улигеры) / Сост. П. Балданжапов. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1961. 127 с.

Аламжи Мэргэн. Бурятский эпос / Стихотв. перевод И. Новикова; вводная ст. и коммент. Г. Д. Санжеева. М.; Л.: Academia, 1936. 269 с.

Байгал (журнал). 1962. № 4. С. 114–154.

Бурят арадай аман зохёолой түүбэри. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1960. 410 с.

Дон Ц. Зохёолнууд (Произведения). Бурят-Монголой номой хэблэл. Улан-Удэ, 1958. 335 с.

Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд. Бүридхэгшэ Ц.-А. Дугар-Нимаев (Улигеры бурят Монголии) / Сост. Ц.-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 96 с.

Намсараев Х. Н. Үльгэрнүүд, зүжэгүүд (Улигеры, пьесы). Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1988. 416 н.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты и перевод). СПб., 1913. Вып. 2: Тексты. 129 с.

Улигеры хори-бурят / Отв. ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев; вступ. ст., подгот. текстов, пер. и примеч. М. Н. Намжиловой. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 174 с.

Хулдай Мэргэн. Ульгэр (Улигер). Даша Чернинов Гунга Чимитов хоёр найруулан бэшэбэ (Обработка Даши Чернинова и Гунги Чимитова). Улан-Удэ: Тип. Министерства культуры БурАССР, 1958. 176 с.

References

Baldanov S. Zh. Prichiny emigratsii buryat i ikh sovremennoe polozhenie v Mongolii i Kitae [Reasons for emigration of the Buryats and their current situation in Mongolia and China]. In: *Diaspory v sovremennom mire: Materialy Mezhdunar. kruglogo stola* [Diasporas in the modern world: materials of the international round table: materials of the international round table]. Ulan-Ude, BSU, 2007, pp. 3–8.

Burykin A. A. Buddiyskie motivy v fol'klore (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buryatskikh epicheskikh proizvedeniy i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 3, pp. 189–209.

Burykin A. A. Individualizatsiya obrazov personazhey kak sredstvo kompozitsii i syuzhetobrazovaniya v kalmytskom geroicheskom epose “Dzhangar” [Individualization of character images as a means of composition and plot formation in the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”]. *Studia Culturae*. 2002, no. 3, pp. 79–94.

Buryatskiy yazyk v regionakh Rossii, Mongolii i Kitaya: sostoyanie, problemy, faktory sokhraneniya i razvitiya [Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: state, problems, factors of conservation and development]. D. D. Badaraev (Ed.). Ulan-Ude, BSU, 2020, 256 p.

Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1973, 803 p.

Dugarov D. S. Napevy buryatskikh uligerov [“Text Tunes of the Buryat Uligers”]. In: *Abay Geser Moguchiy: Buryatskiy geroicheskiy epos* [The Mighty Abai Geser: Buryat heroic epic]. Moscow, Vost. lit., 1995, pp. 505–519.

Lord A. B. *Skazitel'* [The Singer of Tales]. Moscow, Vost. lit., 1994, 368 p.

Namzhilova M. N. *Khorinskie uligery* [The Khorinsky uligers]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 1997, 172 p.

Natsagdorzh B. Prichiny migratsii buryat v Mongoliyu: (na primere atsinskikh tsongol-buryat) [The purpose of Buryat migration in Mongolia: an example of atsink's tsongol-buryats]. *Bulletin of BSU. Humanitarian studies of Inner Asia*. 2013, no. 1, pp. 61–75.

Nimaev D. D. Osnovnye faktory formirovaniya buryatskoy diaspory v Mongolii i osobennosti ee sotsiokul'turnoy adaptatsii [The buryat diaspora in Mongolia: main factors of the formation and the features of its social and economic adaptation]. *ESSUTM Bulletin*. 2013, no. 1 (40), pp. 179–182.

Obraztsy narodnoy slovesnosti mongol'skikh plemen. Teksty [Samples of folk literature of the Mongolian tribes. Texts]. Petrograd, Tip. RAS, 1918, vol. 1: *Proizvedeniya narodnoy slovesnosti* [Works of folk literature], iss. 3, 648 p.

Skrynnikova T. D. Funktsii roda u buryat (konets 19 – 20 vv.) [Functions of the clan among the Buryats (the late 19th – 20th centuries)]. *The New Historical Bulletin*. 2010, no. 4 (26), pp. 11–18.

Ulanov A. I. *Buryatskiy geroicheskiy epos* [The Buryat heroic epic]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1963, 220 p.

Ulanov A. I. *K kharakteristike geroicheskogo eposa buryat* [On the characteristics of the heroic epic of the Buryats]. Ulan-Ude, Buryat.-Mong. kn. izd., 1957, 172 p.

List of sources

Agyn yl'gernyyd [Agyn uligers]. P. Baldanzhapov (Comp.). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1961, 127 p.

Alamzhi Mergen. Buryatskiy epos [Alamzhi Mergen. Buryat epic]. I. Novikov (Verse transl.), G. D. Sanzheev (Introd. art. and comm.). Moscow, Leningrad, Academia, 1936, 269 p.

Baygal. 1962, no. 4, pp. 114–154.

Buryat araday aman zokheoloy tygyberi [Collection of Buryat folklore]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1960, 410 p.

Don Ts. *Zokheolnuud. Proizvedeniya* [Works]. Ulan-Ude, Buryat.-Mong. kn. izd., 1958, 335 p.

Khulday Mergen. Yl'ger [Khulday Mergen. Uliger]. Dasha Cherninov, Gunga Chimitov (Comps.). Ulan-Ude, Tip. Minist. kul'tury BurASSR, 1958, 176 p.

Mongoldokhi buryaaduuday yl'gernyyd [Uligers of Buryats of Mongolia]. Ts.-A. Dugar-Nimaev (Comp.). Ulan-Ude, BSC SB RAS, 1992, 96 p.

Namsaraev Kh. N. *Yl'gernyyd, zyzhegyyd* [Uligers, plays]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, 416 p.

Rudnev A. D. *Khori-buryatskiy govor (opyt issledovaniya, teksty i perevod)* [Khoriburyat speech (research experience, texts and translation)]. St. Petersburg, 1913, iss. 2: Teksty [Texts], 129 p.

Uligery khori-buryat [Uligers of Khoriburyats]. Ts.-A. Dugar-Nimaev (Ed.), M. N. Namzhilova (Introd., text prep., transl. and notes). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, 174 p.

Информация об авторе

Бадма-Ханда Бадмадоржиевна Цыбикова, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
WoS Researcher ID AAW-5969-2020

Information about the author

Badma-Khanda B. Tsybikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Literature and Folklore of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation)
WoS Researcher ID AAW-5969-2020

Статья поступила в редакцию 23.04.2024;

одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 17.06.2024

The article was submitted on 23.04.2024;

approved after reviewing on 17.06.2024; accepted for publication on 17.06.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1